

На его запястье были выведены пять букв, рядом с которыми был стилизованный колокольчик. Это была определенно ошибка, ошибка судьбы, и Шото ничего не хотел больше, чем стереть их со своей белой кожи. С тех пор, как эти пять букв появились, его жизнь пошла наперекосяк.

Был конец марта, и ему еще не исполнилось 15 лет, когда эти проклятые буквы появились на его запястье с 11-летним опозданием. Он уже не надеялся и не верил, что у него где-то в мире есть родственная душа, он уже и свыкся с этой мыслью, можно сказать, что он даже был счастлив. Но судьба была жестока и, многие годы не давая ни малейшей надежды, внезапно предоставила ему шанс. Шанс, которого Шото не хотел. И в тот день все внезапно изменилось. Он молился, чтобы это был всего лишь кошмар.

В его жизни не было места дружбе, не говоря уже о любви, особенно к парню... Из этих пяти букв, выведенных на его коже, к несчастью, складывалось имя: Изуку.

Его отец не принял этого, и если сначала он только кричал, то скоро его крики превратились в оплеухи, а потом и в удары ногами. Не то чтобы Шото не был к этому привыкшим, наоборот, удары и пинки были для него нормой. Однако быть наказанным за что-то, что он не выбирал, было больнее, чем когда-либо.

Он помнил каждый крик, который вырывался из губ его отца в тот день, вкус крови во рту и его слова отца: "Тебе повезло, что ты мой любимчик". Он понимал, что жив только потому, что из всех братьев он был любимой игрушкой, единственной, которая еще не была навсегда уничтожена.

Но, в конце концов, это были просто слова, которыми пополнится копилка тех, которые он будет нести в себе до конца своей жалкой жизни.

Шото не заботила его сексуальная ориентация, почему вообще она должна его волновать? Ведь в его жизни не было места любви и взаимодействию с другими людьми. С ранних лет он был приучен к одиночеству и, по мере взросления, никогда не стремился завязать какие-либо отношения вне стен собственного дома. После всех этих лет он привык к одиночеству, более того, мысль об общении с другими людьми не вызвала у него ничего, кроме тревоги; и, конечно же, изоляция, к которой он привык за эти годы, не способствовала изменению его интровертной натуры. Наоборот, этот опыт развил в нем сильную социальную тревожность.

Он пытался скрыть надпись с помощью консилера, но чем больше он наносил его, тем темнее становились чернила, словно напоминая ему, что он не может убежать от реальности.

Он ненавидел его, ненавидел до смерти, до такой степени, что расцарапал кожу до крови, пытаясь стереть эти буквы со своей кожи.

Но это не имело значения, как бы яростно он ни соскребал эти буквы, они снова появлялись через несколько дней, ровно столько, сколько нужно, чтобы его кожа зажила.